

ИГРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СЧИТАЛКИ «ВЫШЕЛ МЕСЯЦ ИЗ ТУМАНА» В РУССКОЙ ПОЭЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Т. А. Светашёва

*Старший преподаватель кафедры русской литературы,
Белорусский государственный университет,
пр-т Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
t_svet@inbox.ru*

Статья посвящена анализу роли детской считалки «Вышел месяц из тумана...» в поэзии второй половины XX века. Основная тема исследования – механизмы интертекстуальности и причины устойчивости данного фольклорного текста в культурной памяти. Считалка рассматривается как универсальный код, связывающий взрослое сознание с детским опытом, выявляется её семантическая многогранность. Цель работы – определить, почему именно эта считалка стала частым объектом аллюзий в поэзии указанного периода. На материале стихотворений Е. Шварца, М. Сухотина, А. Цветкова, Б. Кенжеева, С. Гандлевского, Н. Искренко показано, как поэты трансформируют исходный текст – через цитирование, метафорическое переосмысление, жанровую адаптацию. Утверждается, что интерес к считалке обусловлен её иррациональной образностью, связью с архетипами (луна-нож, судьба-насилие) и высокой эмоциональной валентностью, пробуждающей коллективные воспоминания. Практическая значимость исследования заключается в демонстрации механизмов культурной преемственности и способов актуализации фольклора в современном литературном процессе. Результаты могут быть использованы в исследованиях по интертекстуальности, поэтике памяти и детской антропологии.

Ключевые слова: считалка; интертекстуальность; фольклор в поэзии; культурная память; детский дискурс.

ГУЛЬНЯВАЯ ТРАНСФАРМАЦЫЯ ЛІЧЫЛКІ «ВЫЙШАЎ МЕСЯЦ З ТУМАНА» Ў РУСКАЙ ПАЭЗІІ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XX СТАГОДДЗЯ

Т. А. Светашова

*Старши выкладчык кафедры рускай літаратуры,
Беларускі дзяржсаўны ўніверсітэт,
пр-т Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь,
t_svet@inbox.ru*

Артыкул прысвечаны аналізу ролі дзіцячай лічылкі «Выйшаў месяц з туману...» у паэзіі другой паловы XX стагоддзя. Асноўная тэма даследавання – механизмы інтэртекстуальнасці і прычыны ўстойлівасці дадзенага фольклорнага тэксту ў

культурнай памяці. Лічылка разглядаецца як універсальны код, які злучае дарослую свядомасць з дзіцячым досведам, выяўляеца яе семантычна шматграннасць. Мэта працы – вызначыць, чаму менавіта гэтая лічылка стала частым аб'ектам алюзій у паэзіі названага перыяду. На матэрыяле вершаў Я. Шварца, М. Сухаціна, А. Цвяткова, Б. Кенжэева, С. Гандлёўскага, М. Іскрэнка паказана, як паэты трансфармуюць зыходны тэкст – праз цытаванне, метафарычнае пераасэнсаванне, жанравую адаптацию. Сцвярджаецца, што цікаласць да лічылкі абумоўлена яе ірацыянальнай вобразнасцю, сувяззю з архетыпамі (месяц-нож, лёс-гвалт) і высокай эмацыйнай валентнасцю, якая абуджает калектыўныя ўспаміны. Практычнае значэнне даследавання заключаецца ў дэманстрацыі механізмаў культурнай пераемнасці і способаў актуалізацыі фальклору ў сучасным літаратурным працэсе. Вынікі могуць быць выкарыстаны ў даследаваннях па інтэртекстуальнасці, паэтыцы памяці і дзіцячай антрапалогіі.

Ключавыя слова: лічылка; інтэртекстуальнасць; фальклор у паэзіі; культурная памяць; дзіцячы дыскурс.

PLAYFUL TRANSFORMATION OF THE COUNTING-OUT RHYME «THE MOON CAME OUT OF THE MIST» IN RUSSIAN POETRY OF THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY

T. A. Svetashova

*Senior Lecturer, Department of Russian Literature,
Belarusian State University,
4 Independence Avenue, 220030, Minsk, Belarus,
t_svet@inbox.ru*

The article examines the role of the children's counting-out rhyme «The moon came out of the mist...» in Russian poetry of the second half of the 20th century. The study focuses on the mechanisms of intertextuality and the reasons for the enduring presence of this folkloric text in cultural memory. The counting-out rhyme is analyzed as a universal code linking adult consciousness with childhood experience, revealing its semantic versatility. The aim of the research is to determine why this particular rhyme became a frequent subject of allusions in the poetry of this period. Through an analysis of poems by E. Schwartz, M. Sukhotin, A. Tsvetkov, B. Kenjeev, S. Gandlevsky, and N. Iskrenko, the article demonstrates how poets transform the original text – through direct quotation, metaphorical reinterpretation, and genre adaptation. It is argued that the appeal of this counting-out rhyme lies in its irrational imagery, connection to archetypes (moon-knife, fate-violence), and high emotional valence, which evokes collective memories. The practical significance of the study lies in its demonstration of cultural continuity and the ways folklore is revitalized in contemporary literary processes. The findings may be applied to research on intertextuality, the poetics of memory, and childhood anthropology.

Keywords: counting-out rhyme; intertextuality; folklore in poetry; cultural memory; childhood discourse.

Считалка – короткий ритмичный текст детского фольклора, сопровождаемый особыми жестами или действиями, служащий для условно случайного выбора в детской игре. Она является инструментом жребия, от неё зависит ход игры, поэтому текст считалки воспринимается детским сознанием как магический, судьбоносный.

Поскольку знакомство с этими текстами происходит в раннем детстве, принятие и заучивание предшествует осмыслинию и рефлексии. Текст принимается как данность, не подвергаясь логической оценке. В результате иррациональные, окказиональные образы из считалок внедряются в сознание целого поколения.

Считалка интересует поэтов второй половины XX в. прежде всего как неотъемлемая часть картины мира современника, некий базовый образ, прочно закрепившийся в сознании, легко воспроизводимый в любом возрасте, безошибочно узнаваемый. Интерпретация этих образов и ассоциаций, связанных с ними, открывает широкое игровое пространство. Поэты идут по пути осмыслиния, логического или интуитивного освоения иррациональных считалочных микросюжетов.

По нашим наблюдениям, наиболее часто поэты обращаются к одной из самых популярных детских считалок:

Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана,
Буду резать, буду бить,
Всё равно тебе водить [1].

В настоящей работе мы хотели бы выяснить, почему именно эта считалка стала наиболее универсальной отсылкой.

Поскольку на первое место в считалке в силу жанровых особенностей выходит функциональный аспект (ритмичность), образное пространство этого текста иррационально, содержание зачастую абсурдно, сюжет фантастичен. Так как считалка функционирует в детской игровой среде, её трансформации спонтанны, в различных источниках можно встретить альтернативные варианты с иными персонажами: немец, ёжик, зайчик и т. д. Но самым «каноничным» является именно вариант с «месяцем». Этот мотив становится ключевым для конструирования аллюзии в поэтических произведениях.

Можно говорить о двойственной природе считалки: с одной стороны, она изменчива и динамична, поскольку никак не закреплена и обслуживает детский дискурс, с другой – невероятно устойчива по тем же причинам: наряду с динамичностью, считалке присуще и постоянство формы, сюжета. Что делает ее универсальным кодом, мгновенно отсылающим любого к детскому опыту и ощущениям. У считалки, образно

говоря, очень высокая эмоциональная валентность: аллюзия на считалку хорошо считывается и вызывает у читателя ассоциации с детством, активизирует связи с детской частью личности.

Поэты используют как очевидные аллюзии на данную считалку, так и размытые, неоднозначные.

Е. Шварц в «Балладе, которую в конце схватывает паралич» с помощью потока образов конструирует фарсовую реальность, абсурдность которой стремительно нарастает, и в этот поток попадает и неявная отсылка к считалке о месяце («ножик луны», сдирающий кожу):

Видит он ветер, ножик луны,
Содрана кожа, почки видны [2, с. 42]

М. Сухотин в центонном тексте «Страницы на всякий случай» цитирует первую строку считалки дословно:

ты, кормщик, спал и видел сон,
как вышел месяц из тумана,
и как нас много на челне... [3, с. 30]

Поэт меняет стихотворный размер с характерного для фольклора хорея на ямб, что коренным образом изменяет звучание, заставляя по-иному «расслышать» считалку, разворачивая заключённую в ней метафору, прислушиваясь к содержанию и «вшивая» её в центонный текст наряду с цитатами из классической литературы.

Упоминается месяц и в строках А. Цветкова:

Под окнами липа шумела,
И месяц вонзился в нее топором,
Щербатым, как профиль Шопена [4].

«Нож» здесь заменён на «топор», что соотносимо с глаголом «бить», присутствующим в самой считалке, и это позволяет узнать как бы отдаленно припоминаемый считалочный сюжет.

Б. Кенжеев в стихотворении «Ах, карета почтовая, увлеченная пургой...», напротив, детализирует образ, дополняет его подробностями:

Выступай же из тумана
месяц медный, золотой,
вынимая из кармана
ножик в ржавчине густой –
это жизнь моя под утро
с беленой мешает мед
и перо ежеминутно
в руки белые берет... [5]

Автор дополнительно обыгрывает полисемию слова «перо»: его жаргонное значение снова возвращает к считалке.

С. Гандлевский в стихотворении «Есть горожанин на природе», напротив, использует считалку при создании умиротворённого элегического настроения, описывая осенний отпуск. Горожанин отдыхает, наблюдая увядание природы:

...И не элегия – считалка
Все вертится на языке.
О том, как месяц из тумана
Идет-бредет судить-рядить,
Нож вынимает из кармана
И говорит, кому водить [6].

Поэт вкладывает в этот сюжет экзистенциальный, вневременной смысл. Действие считалки замедляется, растягивается в такт ощущению лирическим героем времени; герой неспешно созерцает жизнь в ее простоте и естественности. Поэтому и «вертится на языке» у него именно считалка – простая, родная и знакомая.

В откровенных стихах Н. Искренко эротизм сочетается с потоком сознания, сотканным из разнородных образов, частью которого становится и образ месяца из считалки:

Мело-мело весь месяц из тумана
Он закурил решив передохнуть... [7, с. 125]

Почему же поэтов больше всего привлекает именно эта считалка, почему именно она становится кодом-паролем к детскому миру? Полагаем, что причина в ее магических, языческих корнях, семантической связи с потусторонним: яркий, необычный образ, взрывающий привычные логические связи, отпечатывается в детском воображении наиболее ярко.

Атмосфера игры окутана тайной, считалка формирует и замыкает круг. Закрепляется этот эффект устрашающим финалом: «буду резать, буду бить...». И это ощущение тревожного детского удивления актуализируется в поэтическом тексте за счёт аллюзии, когда поэты вовлекают считалку в интертекстуальные связи.

Фактически целые поколения повзрослевших игроков оказываются знакомы с данным культурным кодом, что делает его универсальным для всех носителей языка.

Библиографические ссылки

1. Петухова Т., Троицкая О. Современные считалки // Фольклор и постфольклор [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/troizkaya2.htm>. (дата обращения: 29.04.2025).

2. *Шварц Е.* Собрание сочинений. Т. 1. СПб.: Пушкинский фонд, 2002.
3. *Сухотин М.* Центоны и маргиналии. Москва, 2001.
4. *Цветков А.* Эта жизнь – о любви // Арион. 1994. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arion.ru/mcontent.php?year=1994&number=129&idx=%202471> . (дата обращения: 29.04.2025).
5. *Кенжесев Б.* Стихи // Литературный журнал «Симиздат» [Электронный ресурс]. URL: <https://lib.ru/ZHURNAL/kenzheew.txt>. (дата обращения: 29.04.2025).
6. *Гандлевский С.* «Найти охотника» и другие стихотворения (1995–2007) // Персональный сайт С. Гандлевского [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gandlevskiy.poet-premium.ru/poetry.html>. (дата обращения: 29.04.2025).
7. *Искренко Н.* Я просто буду рядом // Арион. 1995. № 2.